научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 316.4

Койвусельга. Социальная трансформация лесозаготовительного поселка в российской Карелии (перевод с фин. яз. Ю. М. Килин)

РАННИККО Пертти
доктор социологических наук,
профессор экологии,
Университет Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу),
Институт географических и исторических исследований,
Йоэнсуу, Финляндия, pertti.rannikko@uef.fi

ВАРИС Эйра
доктор социологических наук,
директор по развитию,
Региональный совет провинции Северная Карелия,
Йоэнсуу, Финляндия, eira.varis@pohjois-karjala.fi

ПИИППОНЕН Минна
доктор социологических наук,
Карельский научно-исследовательский институт,
Университет Восточной Финляндии,
Йоэнсуу, Финляндия, minna.piipponen@uef.fi

Ключевые слова:
Койвусельга
социальная мобильность
постпродуктивизм
социальные сети
лесопромышленный комплекс

Аннотация:
В статье рассматриваются результаты социальной мобильности в сельской местности российской Карелии. Используемое нами ключевое понятие – мобильный постпродуктивизм – мы оцениваем на примере 20-летнего развития лесозаготовительного поселка Койвусельга, являющегося предметом нашего тематического исследования. Являются ли структурные и социальные изменения в российской сельской местности аналогичными происходящим в западных странах, или находящиеся по ту сторону государственной границы лесозаготовительные поселки в российской Карелии по-прежнему можно охарактеризовать как относящиеся к «другому модерну»? Случай с Койвусельгой показывает, как возникновение мобильного общества модернизировало сети взаимодействия и местную жизнь. Мобильные формы места проживания, работы и использования природных ресурсов, связанные с «многоместностью» , уже не так связаны с системой местных сообществ, как раньше. После того как выполнение лесных работ перешло от местного населения к мобильной рабочей силе, Койвусельга постепенно становится местом проведения свободного времени проживающих в других местах людей. Повседневная жизнь еще живущих в поселке людей теперь также связана с другими местами и стала более мобильной.
Статья впервые была опубликована на финском языке (“Metsätyökylän muodonmuutos Venäjän Karjalassa”) в журнале Idäntutkimus в 2015 году. URL: http://www.helsinki.f

i/idantutkimus/arkisto/2015_2/it_2_2015_rannikko_et_al.pdf
В сборе и обработке материала также принимали участие:

Каркинен Катри, доктор социологических наук, агроном; Климентьев Евгений, к.и.н., с.н.с. сектора этнологии Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН; Копотева Инна, лицензиат философии; Лехто Эско, магистр социологии, руководитель проектного отдела, Ассоциация «Лидер» региона Йоэнсуу; Полевщикова Надежда, к.г.н., доцент Института лесных, горных и строительных наук ПетрГУ.

© 2016 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 04 декабря 2017 года

Мобильную работу и работу, выполняемую во многих местах, обычно принято относить к информационной сфере и возможностям, предоставляемым информационным обществом. Тем не менее, в наше время мобильная работа получила широкое распространение и среди представителей традиционного физического труда, а также во многих типичных профессиях сельской местности, для которой характерно использование природных ресурсов прибывающими издалека сезонными рабочими, а не представителями местных сообществ. Так, например, лесозаготовки во многих высокоразвитых странах в основном осуществляются мобильными работниками, которые могут работать далеко от своего дома, куда возвращаются только время от времени. Кроме того, работники этой отрасли часто перемещаются с одной выделенной для заготовки леса площади на другую. Широкое распространение мобильной работы затрагивает не только рабочих и их семьи, но и местные сообщества.

Движение людей, товаров и знаний настолько доминирует в современном обществе, что британский социолог Джон Урри [35, 36] даже выступил с заявлением о «мобильном повороте» в социологии. Помимо физической мобильности людей и объектов, он включает в это понятие множество форм символического движения посредством Интернета, телефонной связи и телевидения. Урри призвал к переосмыслению социальных связей в свете нового феномена мобильности, предложив социологам принять мобильность в качестве методологической основы социологических исследований, отказавшись от традиционных концепций. Новая парадигма мобильности критикует общественные науки за то, что они сосредоточены на изучении социальных феноменов в определенных географических районах и на примыкающих к ним территориях, хотя для современной социальной жизни характерны непрерывные переходы от близких к дистанционным социальным связям [13]. По его мнению, социологические исследования нового типа должны в большей степени концентрироваться на изучении форм и способов мобильности (шоссейных и железных дорог, автомобилей, логистических систем, телефона, интернета и т. д.), влияющих на социальную жизнь и изменяющих объекты изучения.

В данной статье используется традиционный метод исследования, поскольку объектами исследования являются феномены, связанные с переходом общества к мобильности на примере одного лесозаготовительного поселка в российской Карелии. Тем не менее, мы анализируем то, каким образом увеличившаяся мобильность привносит изменения в жизнь изучаемого нами поселения и как она связана с более широкими изменениями в обществе и сетях взаимодействия. Мы заинтересованы и в том, чтобы объяснить то, каким образом новые формы использования природных ресурсов, работы и «многоместности» формируют сельскую местность Карелии.

Объект нашего социологического исследования – находящийся в российской Карелии бывший лесозаготовительный поселок Койвусельга. Сначала мы рассмотрим вызванные внешними факторами изменения в лесном хозяйстве и занятости в лесозаготовительном секторе экономики, а затем проанализируем влияние этих изменений на повседневную жизнь местного сообщества. В завершение мы рассмотрим стратегии выживания отдельных жителей и всего сообщества в ситуации, когда занятость жителей в лесной отрасли, в свое время создавшей этот населенный пункт, перестала существовать. Изучаемый период начинается с распада социализма, то есть мы изучаем социальное развитие поселка за последние два десятилетия. Соответствуют ли структурные и социальные изменения в сельской местности России аналогичным процессам в западных странах, или же приграничные лесозаготовительные поселки по прежнему, как и в советский период, можно отнести к «другому модерну»? Как проявилось возникновение мобильного общества в трансформации

производственной базы и социальной жизни в исследуемом нами поселке?

Мобильная сельская местность

Россия представляет собой сложный объект изучения для социолога, пытающегося объяснить социальные процессы в мире посредством различных концепций и классификаций. Это же утверждение относилось – и до сих пор относится, – и к Советскому Союзу. Реальный социализм, как представляется, по крайней мере частично двигался в том же направлении, что и западные страны, одновременно следуя своим собственным путем развития. Шведский социолог Гёран Терборн выделяет в современном мире четыре основные пути, ведущие к модернизации, а также две смешанные формы, представленные Россией и Китаем [34; 107–109]. Реальный социализм также характеризовался как «другой модерн» [15], «незаконченная модернизация» [24] и «принудительная модернизация» [28]. В результате безжалостной и насильственной перестройки экономической системы под руководством Сталина в СССР были ускоренно проведены индустриализация и урбанизация, а структура экономики и занятости развивалась очень похоже на западные страны.

Тем не менее, модернизация включает в себя не только структурные изменения, такие как индустриализация и урбанизация, но также политические, культурные и в стиле жизни [7, 4]. Несмотря на то, что Советский Союз в 1960-е годы внешне представлял собой вполне современное общество, в развитии его социальных отношений наблюдались черты, характерные для доиндустриальной эпохи. Например, из-за отсутствия рыночных отношений почти все население зависело от неформальных сетей для приобретения и обмена товаров. Неформальные связи давали возможность предприятиям приобретать необходимые материалы, а обычным гражданам – товары, которые не продавались в государственных магазинах. Вместо рынка существовали неформальные сети для покупки и обмена товаров и услуг. В теневой экономике семьи и родственные отношения имели ключевое значение.

В этой статье рассматривается модернизация сельской местности России в постсоветскую эпоху. Сохраняются ли какие-либо черты «другого модерна» в исследуемом нами поселке, или это развитие приближается к преобладающей тенденции в сельской местности стран Запада, которую мы характеризуем в рамках концепции «мобильного постпродуктивизма»?

С 1990-х годов европейские социологи говорят о переходе сельской местности западных стран от продуктивизма к постпродуктивизму [например, 5, 6, 14]. На жизнь в сельской местности и пасторальные пейзажи работа и производство не оказывают такого определяющего влияния как раньше. В эпоху продуктивизма задача сельской местности заключалась в том, чтобы производить как можно больше продовольствия, древесины и другого сырья и товаров. Постпродуктивная местность и природа являются объектом индивидуального потребления и источником опыта. Все больше граждан в сельской местности являются владельцами летнего жилья, путешественниками или туристами. Сельская местность и ее природа стали местами рекреации и проведения досуга.

Исследователи из стран Северной Европы называют проводящих свое свободное время в сельской местности людей «невидимым населением», поскольку не располагают достоверной информацией о временных характеристиках посещений дачных домов. Рассуждения о численности сельского населения только на основе данных регистрации по месту жительства дают совершенно искаженную картину демографических тенденций и привлекательности сельских районов как среды обитания [16, 17]. Концепция «невидимого населения» сельских районов еще лучше подходит для описания путешественников, туристов и других подобных групп, находящихся в сельской местности, о которых мы знаем еще меньше, чем о дачниках [30].

Мобильное использование природных ресурсов и рост значимости проводимого в сельской местности досуга привнесли в нее новые виды деятельности и людей. Мобильность в современной сельской местности связана не только с людьми временно прибывающими для выполнения работы и проведения досуга, но и с тем, что местные жители также вступают в сетевые взаимодействия и перемещаются на бóльшие расстояния чем раньше. В наши дни люди могут быстро путешествовать и общаться, преодолевая большие расстояния. Однако мобильность необязательно во всех случаях является добровольной, так, например, в случае сокращения предложения услуг в месте проживания люди вынуждены получать их на большом расстоянии от дома. Характерные для современного социума дисперсные формы предоставления услуг дефрагментировали и придали дискретный характер прежнему пониманию принадлежности к определенному месту. Временно пребывающие в сельской местности люди по-разному могут проявлять интерес к природе и местной культуре, а ее постоянные жители не обязательно являются постоянной частью прежних сельских местных сообществ.

Согласно оценке Нефедовой, в работе которой [19] анализируются направления трансформации сельской местности в России, в них есть много совпадений с аналогичными процессами в Западной

Европе. За последние 50 лет в большинстве регионов России численность сельского населения значительно сократилась. Однако более подробные обзоры Нефедовой о местных особенностях развития сельской местности в Костромской области ставят вопрос о мобильности населения, не учитываемой статистикой. С одной стороны, жители деревень трудоспособного возраста заняты на сезонных работах в других местах. С другой стороны, численность сельского населения увеличивается за счет непостоянных жителей. Взрослые дети сельских жителей с семьями и другие родственники проводят лето в родных деревнях. На лето из Москвы приезжают дачники, купившие в деревне дома. По мнению Нефедовой, в современной российской деревне концентрация населения и хозяйственная деятельность, а также поляризация сельских районов сочетаются с трендом увеличения мобильности, характерным для постиндустриального развития.

Возвращение в Койвусельгу

Поселок Койвусельга расположен в западной части Пряжинского района и находится примерно на одинаковом расстоянии от Петрозаводска и российско-финляндской границы (рис. 1). От шоссейной дороги МАПП Вяртсиля – Петрозаводск поселок отделяет всего 13 километров грунтовой дороги. В середине 1990-х годов мы собрали в Койвусельге большой объем исследовательских материалов, на основе которого был опубликован ряд научных работ, в которых проанализирован менявшийся статус Койвусельги в составе лесного комплекса Республики Карелия, изменения в сфере услуг и повседневной жизни и стратегии выживания сельских жителей в переходный период [22, 37, 26]. В июле 2014 года наша финско-российская исследовательская группа вернулась в Койвусельгу с целью актуализации и получения дополнительных данных о развитии поселка для выявления изменений за последние 20 лет.

Рис. 1. Поселок Койвусельга (Koivuselkä) Республики Карелия

Самым важным материалом в достижения поставленной цели являются интервью, которые мы провели в деревне как в свободной форме, так и с использованием подробных опросных анкет. В анкетах получили отражения сведения о домашних хозяйствах и жителях поселка. Вопросы анкет формулировались таким образом, чтобы полученный материал был сопоставим с вопросами 1990-х годов, поскольку за прошедшие почти 20 лет в поселке остались нерешенными некоторые проблемы,

характерные для переходного периода. Вопросы анкет были посвящены нескольким темам: состав семьи, как изменилась социальная среда, источники получения средств к существованию, как выстраивается стратегия выживания, какие культуры выращиваются на придомовых участках и огородах, как изменились лесное хозяйство, услуги и поселок, какие чувства вызывают эти изменения, какими жители видят будущее поселка и возможности его развития?

Интервью проводились во всех домохозяйствах, в которых мы застали жителей. Индивидуальные анкеты заполнялись на всех людей, живущих в домашних хозяйствах как минимум месяц в году. Выполнявшееся большой группой полевое исследование было завершено быстрее, чем ожидалось, поскольку число домашних хозяйств сократилось наполовину по сравнению с 1990-ми годами. В общей сложности было заполнено 50 анкет домашних хозяйств, в 16 из них люди проживали лишь часть года. К категории летних непостоянных жителей нами были отнесены люди, проживающие в поселке не менее месяца в году. Анкетные данные о непостоянных (летних) жителях не являются репрезентативными, поскольку легче было застать на месте проводящих все лето в поселке пенсионеров, чем кратковременно находившихся в ней людей трудоспособного возраста. Тем не менее, мы можем сравнить информацию из анкетных интервью с предыдущими материалами и оценить мобильность в домашних хозяйствах и на индивидуальном уровне. Жители, как правило, охотно давали согласие на интервью. Многие из них были уже знакомы с исследователями по полевой работе 1990-х годов и помнили о нашей группе. Тем не менее, в исследовании была изменена личная информация респондентов из-за необходимости соблюдения анонимности.

В дополнение к анкетным интервью мы опросили экспертов и ключевых административных лиц поселка, таких как глава местной администрации, бывшие директор школы, председатель сельского совета и начальник лесопункта. В сравнении с серединой 1990-х гг. разница заключалось в том, что для проведения интервью с главой местной администрации пришлось поехать в Ведлозеро, так как в 2006 году, после общероссийской реформы местного самоуправления, поселок Койвусельга вошел в Ведлозерское сельское поселение.

В рамках использованного нами метода – локального исследования – были получены конкретные контекстно-зависимые сведения посредством сбора разносторонних эмпирических данных о различных аспектах изменений социальных параметров изучаемого объекта [3]. При анализе собранного материала внимание уделялось как уникальным особенностям поселка, так и более широким социальным процессам и связям. Более общий теоретический интерес проведенного исследования заключается в разработке концепций и моделей, объединяющих глобальные процессы и местные особенности. Локальные модели появляются в результате совместного действия общих институтов, особенностей местного развития, природных ресурсов и действующих лиц [2]. Поступая таким образом, можно создать описывающие объект исследования концепции и выделить причинно-следственные связи процессов, от которых зависит развитие [3; 19–20]. В этой статье мы последовательно обосновываем концепцию мобильного постпродуктивизма и оцениваем его объяснительную силу в понимании процессов развития современной сельской местности Карелии. Впрочем, мы начнем с краткого описания форм советского продуктивизма в Койвусельге.

Рабочие места в лесном хозяйстве переходят от местного населения к мобильной рабочей силе

Когда руководство СССР приступило к модернизации народного хозяйства государства, строя заводы и города, казалось, что в его распоряжении имелись безграничные сырьевые и трудовые ресурсы, их просто следовало мобилизовать и ввести в оборот. В региональном разделении труда советская плановая система определила роль Карелии как производителя продукции лесной промышленности. После Второй мировой войны эксплуатация лесных ресурсов была интенсифицирована, и единственной задачей обширных сельских районов стала заготовка древесного сырья для нужд растущего производства. К концу 1950-х годов в Карелии было построено 340 новых лесных поселков, лесопунктов как центров лесозаготовки, основной задачей которых была рубка леса и транспортировка лесоматериалов [10; 17].

Одним из этих поселков была Койвусельга, к строительству которой в карельской тайге приступили в 1949 году. Для проведения масштабных лесозаготовительных и сплавных работ требовалось большое количество рабочей силы, прибывавшей в Койвусельгу из различных регионов Советского Союза, прежде всего из Белоруссии. Всего за несколько лет население нового поселка превысило тысячу человек (рис. 2). Койвусельга была типичным советским лесозаготовительным поселком, построенным для использования лесных ресурсов близлежащих лесных массивов и предназначалась для проживания только на время проведения лесозаготовок, которые практически

полностью обеспечивали предоставление жилья для рабочих и их семей и услуги. В десятикилометровом радиусе от нового поселка находилось несколько старых карельских деревень, колхозники которых уже участвовали в лесозаготовках и сплаве древесины до войны. Деревни располагались вдоль сплавной реки Видлицы. Жители этих деревень были нужны в качестве рабочей силы только до тех пор, пока лесосплав был основным способом транспортировки древесины. После ее перевода на авто- и железные дороги в 1960-х гг. необходимости в сохранении старых деревень больше не оставалось, и все жители и услуги этого района были полностью переведены в Койвусельгу [29].

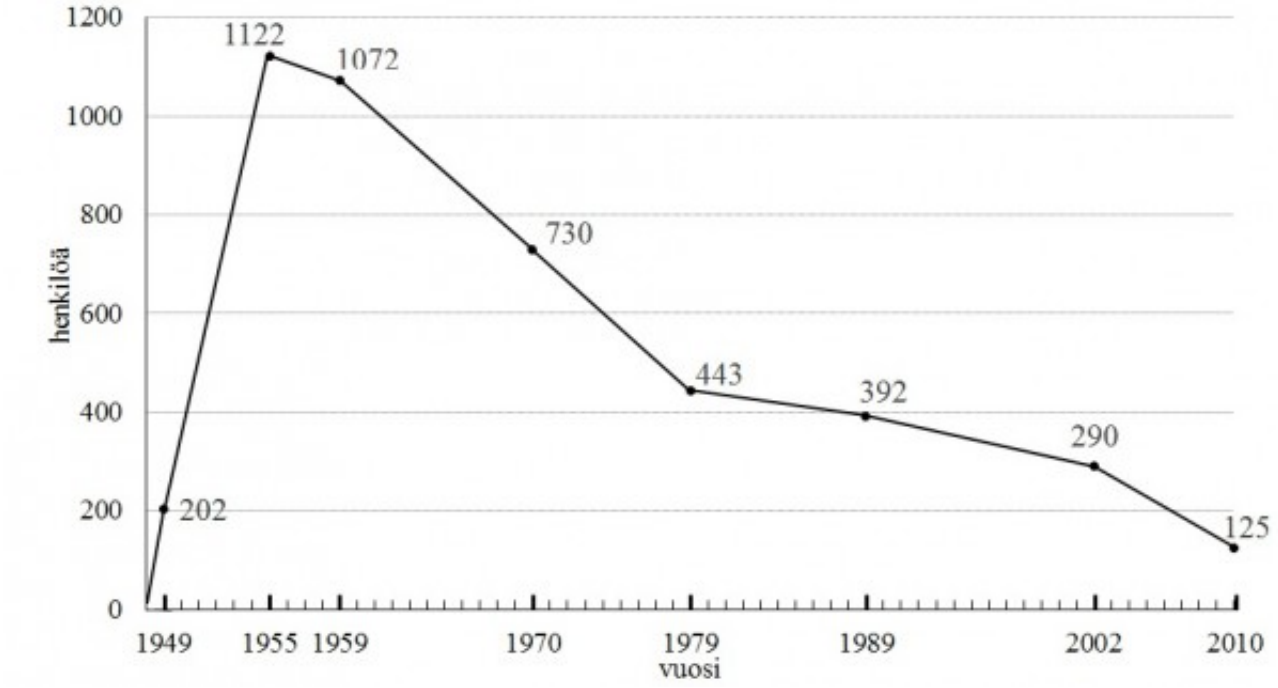

Рисунок 2. Динамика численности населения Койвусельги 1949–2010 (Источник: Переписи населения 1989, 2002 и 2010 гг., Перечень населенных пунктов в Национальном архиве Республики Карелия)

Расцвет подобных Койвусельге лесозаготовительных поселков продолжался совсем недолго. Со временем на последствия масштабных рубок, продолжавшихся десятилетия после войны, в Советском Союзе стали обращать внимание, значительно сократив плановые задания леспромхозам [29; 44–45]. В то же время механизация лесозаготовок быстро сократила потребность в рабочей силе, и многие жители трудоспособного возраста с семьями уехали из поселка в другие места. К началу 1980-х гг. Койвусельга из-за сокращения производства и рабочей силы превратилась в сообщество, в котором доля пожилых людей выросла, а доля детей сократилась [9; 99–101]. С более чем тысячи человек в лучшие для Койвусельги годы ко времени распада СССР в ней осталось примерно четыреста человек (рис. 2).

После распада советской системы Россия перешла от социализма к рыночной экономике и лесная отрасль Карелии, от лесозаготовки до лесовосстановления, была реорганизована. В российской рыночной экономике, впрочем, по-прежнему осталось много черт, унаследованных от плановой экономики. Так, леса остались в государственной собственности, хотя управление лесопромышленных и лесозаготовительных компаний перешло от государства к новым владельцам [11]. В 1980-х годах Койвусельгский лесопункт еще входил в состав Шуйско-Виданского леспромхоза, дирекция которого находилась в Чалне [23; 157]. Как и другие лесопромышленные предприятия КАССР, Шуйско-Виданский леспромхоз входил в состав государственной компании Кареллеспром. В ходе приватизации этот гигант карельского лесопромышленного сектора был разделен на десятки независимых лесозаготовительных компаний и лесозаводов [18; 95–96], многие из которых оказались нерентабельными и обанкротились (11). Через жернова приватизации начала 1990-х годов прошло и сельское хозяйство Карелии, вторая по значимости отрасль экономики сельской местности [1, 21].

Наряду с изменением отношений собственности ключевым элементом реорганизации лесного хозяйства Карелии являлась технологическая модернизация. Лесозаготовительные компании стали

переходить к скандинавским технологиям лесозаготовок. В советской лесозаготовительной системе роль узловых логистических центров играли нижние склады, действовавшие в непосредственной близости от железных дорог. Лесовозные автомобили доставляли на них заготовленные лесорубами хлысты для раскряжевки на сортименты различного качества, грузили на железнодорожные платформы для отправки на лесоперерабатывающие предприятия. В скандинавской технологии эти производственные операции выполняются по другому: многофункциональные лесозаготовительные машины валят лес и разделывают на сортименты, после чего лесоматериалы доставляются лесовозами прямо из леса на заводы. На завершающем этапе «скандинавизации» лесозаготовительные работы передаются от лесозаготовительной компании внешним подрядчикам [12; 71–74].

В 1992 году Шуйско-Виданский леспромхоз стал частной компанией ООО «Шуялес». В 1995 году лесопункт в Койвусельге был преобразован в лесоучасток [23; 157–159]. Вследствие этого произошло быстрое сокращение объемов лесозаготовок и рабочих, а в 2005 году последовало закрытие лесоучастка. В 2010 году постоянно проживавшие в Койвусельге жители лишились последних рабочих мест в лесном хозяйстве, когда были прекращены работы по лесонасаждению.

В прилегающих к Койвусельге лесах большее распространение получило использование внешних подрядчиков, чем внедрение многофункциональных машин. За последние десять лет лесозаготовки в окрестностях Койвусельги проводились «пришлыми» работниками, а не постоянно проживавшими в поселке жителями. Наиболее продолжительное время лесозаготовки выполнялись внешней подрядной организацией, нанимавшей рабочую силу на Украине. Деревья спиливаются бензопилами и транспортируются двумя лесными тракторами к автодороге, с дальнейшей перевозкой лесовозами петрозаводского подрядчика. Рубка леса производится восемью рабочими с Украины, живущими в общежитии в Койвусельге в течение трех месяцев, после чего они выезжают на Украину на 1–1,5 месяцев к своим семьям, затем возвращаясь на работу в Койвусельгу. Ранее действовавшее в районе Койвусельги ООО «Шуялес» в настоящее время входит в холдинговую компанию («ООО Аспект-Холдинг») и выполняет лесозаготовительные работы в Пряжинском районе, где имеет долгосрочные лесоарендные договоры. В последние годы компания несколько раз проводила лесозаготовки многофункциональными машинами в лесах Койвусельги с подрядчиком и рабочей силой из Петрозаводска.

Повседневная жизнь становится мобильной

После окончания лесозаготовок сокращение численности населения Койвусельги ускорилось (рис. 2) и повседневная жизнь поселка почти полностью перестала быть связанной с наемной работой. В ходе опросов населения концепция «невидимого населения» приобрела новое значение. В утратившем свою производственную базу поселке концепция также описывает людей трудоспособного возраста, зарегистрированных в Койвусельге, но проживающих и работающих преимущественно в других местах. В 2014 году, согласно оценке сотрудника администрации сельского поселения, в поселке круглогодично проживало менее 100 человек, хотя в нем было зарегистрировано 190 человек. В первую очередь, многие сельчане молодого возраста жили и работали в Петрозаводске, хотя и остались зарегистрированными в Койвусельге. Аналогичным образом, в поселке в действительности проживали только 11 школьников и детей дошкольного возраста, хотя зарегистрировано 20.

Эту группу населения, у которой не совпадают место регистрации, работы и постоянного проживания с точки зрения мобильности и «многоместности» можно рассматривать как находящуюся в переходном состоянии. Официальная регистрация в родном поселке по своему способствует возможности гибкого решения повседневных проблем и проживания как в поселке, так и в городе. В поселке можно сохранить право на свою квартиру. В свою очередь, в городе аренда жилья в некоторых случаях может упроститься, если арендатор не регистрируется в арендуемой квартире, и о получаемом арендодателем доходе знают только два заинтересованных лица.

Прекращение лесозаготовок сократило рабочие места прежде всего среди мужчин, а сокращение сферы услуг повлияло на сокращение занятости женщин. В настоящее время постоянное население Койвусельги представлено преимущественно людьми старших возрастных групп, в то время как население трудоспособного возраста и молодежь покинула поселок в поисках средств существования в других местах. Согласно материалам нашего летнего интервью 2014 года, в поселке насчитывалось семь живущих и работающих человек. Рабочие места были в основном в поселковой администрации и в торговле. Безработных трудоспособного возраста в наших материалах было отмечено девять.

Бывший лесоруб Павел, проживший всю свою жизнь в Койвусельге, является типичным безработным среднего возраста. Он проживает с родителями, ухаживая за ними. Доходы домохозяйства складываются из трудовой пенсии отца и пособия по инвалидности матери. Павел заготавливает дрова

и обеспечивает семью продовольствием, выращивая картофель и держа корову. Он также собирает ягоды и грибы для продажи. Несмотря на то, что доходы невелики, Павел не считает, что поселок когда-нибудь прекратит свое существование. Как и большинство безработных, он не подал заявку на пособие по безработице. Безработных регистрируют в Ведлозере, а стоимость поездки туда и обратно превышает сумму месячного пособия по безработице.

Потребность в мобильности, связанной с услугами, увеличилась с тех пор, как переходный период 1990-х годов вызвал значительные изменения в услугах, которые предоставляли леспромхоз, администрации района и поселка. В этот период жилой фонд леспромхоза и ранее предоставляемые услуги были приватизированы, переданы в муниципальное управление или перестали оказываться. В Койвусельге закрыли промтоварный магазин, столовую, подсобное хозяйство леспромхоза и общественную баню. Продуктовый магазин стал собственностью частной компании и продолжает работать. Кроме того, в поселок приезжают разъездные торговцы.

За последние 20 лет из общественных услуг были закрыты детский сад и школа, а также прекращено движение общественного транспорта [38; 113]. Школа была закрыта в 2004 году. В настоящее время школьники из Койвусельги учатся в школе в Ведлозере, расположенном в 50 км от поселка. Школа также является примером того, как сократившийся доступ к услугам увеличил ежедневную мобильность жителей, вынужденных обращаться за ними в отдаленные от поселка места. С другой стороны, некоторые мобильные услуги заменили ранее доступные в поселке. Медицинская машина посещает Койвусельгу раз в неделю. Три раза в неделю в поселок прибывает почтовая машина, в которой можно приобрести лекарства за наличный расчет. В поселке действует сеть мобильной связи, хотя и ненадлежащего качества. Интернет-соединение также низкого качества.

Многие вопросы, впрочем, приходится решать в Ведлозере. После того, как поселок был включен в Ведлозерское сельское поселение, в Койвусельге работает представитель Ведлозерской администрации, полдня исполняя официальные обязанности, во второй половине дня работая в сельской библиотеке. Проблема заключается в том, что в Койвусельге после прекращения автобусного сообщения больше нет общественного транспорта. Асфальтированная автодорога Сортавала-Петрозаводск в настоящее время находится в очень хорошем состоянии, но автодвижение по связывающей с ней Койвусельгу 13-километровой грунтовой дороге по-прежнему проблематично, особенно для служб экстренной помощи – в период распутицы пожарная команда из Ведлозера прибывает в поселок за полтора часа.

В Койвусельге имеются односемейные дома, двухквартирные дома и многоквартирные бараки. В деревянных жилых домах нет ни водопровода, ни канализации. Состояние жилья было главной темой 20 лет назад, когда как раз проводилась приватизация принадлежавших леспромхозу двухквартирных домов и жилых бараков [25]. Часть жилищного фонда осталась в управлении администрации Пряжинского района, а затем была передана администрации Ведлозерского сельского поселения.

Летом 2014 года жителям и местным органам власти была предложена программа сноса ветхого и аварийного жилья, финансируемая из средств федерального бюджета, Республики Карелия и местного самоуправления, в которую была включена 21 квартира из Койвусельги. Во время проведения нашего исследования окончательное решение о месте строительства новых жилищ взамен сносимого жилья еще не было принято. Жители сносимых домов не хотели переезжать из поселка в другое место, например, в Ведлозеро или Пряжу. С другой стороны, глава администрации Ведлозерского сельского поселения относился к строительству новых домов в Койвусельге с сомнением, поскольку старые жители поселка могли прожить там всего несколько лет, после чего не было бы ясности в том, как использовать эти дома.

Личное подсобное хозяйство как стратегия выживания

Когда мы исследовали Койвусельгу в 1990-х годах, мы выделили различные стратегии выживания, которые помогли людям выжить в повседневной жизни после социальных потрясений [39]. Наиболее распространенной стратегией выживания было ведение личного подсобного хозяйства, которое мы обозначили как защитную реактивность, представлявшую собой самодостаточный образ жизни и повседневное выживание, основанное на мелкомасштабном огородничестве на приусадебных участках и сборе даров природы. Личное подсобное хозяйство было необходимо в условиях, когда социальные структуры не могли обеспечить поддержание повседневной жизни людей.

В созданной как лесозаготовительный поселок Койвусельге сельское хозяйство существовало только в виде подсобного хозяйства леспромхоза, обеспечивавшего продовольствием жителей поселка, занятых в лесном хозяйстве и решении связанных с ним задач. В результате приватизации подсобное хозяйство прекратило существование в 1994 году. Одновременно жители поселка стали более активно

использовать собственные приусадебные участки площадью в несколько соток для выращивания огородных культур: картофеля, моркови, капусты, свеклы, лука и зелени. Теплица или парники использовались для выращивания томатов и огурцов. Кроме того, многие домохозяйства держали коров, свиней, овец и коз. На окружающих деревню лугах и полях в близлежащих заброшенных деревнях заготавливали сено для животных [8].

Люди собирали ягоды и грибы, занимались рыбной ловлей и охотой, используя добычу в качестве важной части повседневного питания. Они также собирали лекарственные растения и использовали их систематически, потому что использование лекарств резко сократилось. Дары природы, особенно ягоды, также были важным источником дохода. Продавая их, зарабатывали деньги в условиях, когда заработная плата не выплачивалась вовремя.

В 1990-х годах жители проводили бóльшую часть своего времени на различных огородных работах, собирая дары природы, делая заготовки из собственных продуктов и готовя их к хранению. Главная ответственность за эту домашнюю работу несли женщины. Социальные связи в этой системе были ключевыми. Проживающие в городе с семьей дети, родственники и знакомые получали выгоду от жителей деревни, поставлявших в город продукты питания собственного изготовления. Летом население поселка увеличивалось, так как выходцы из него, проживавшие в городе, отправляли своих детей к бабушкам на лето для пропитания. Взрослые приезжали во время отпусков для оказания помощи в проведении сельскохозяйственных работ.

Личное подсобное хозяйство по-прежнему остается важной стратегией выживания в повседневной жизни людей, но его значение уменьшилось. В настоящее время продукты собственного изготовления по-прежнему являются основным источником питания в каждом десятом домохозяйстве Койвусельги, а в 1990-х годах они составляли бóльшую часть потреблявшегося продовольствия почти во всех домашних хозяйствах поселка. Количество возделываемых приусадебных участков резко сократилось, а скот почти перестали держать. В 1995 году в поселке насчитывалось 250 картофельных участков, 32 коровы, 44 свиньи и 200 овец и коз [8; 143–147]. Летом 2014 года в Койвусельге оставалось 29 картофельных участков, 7 коров и 2 быка, одна свинья и 4 овцы. Коз, «коров бедных», не осталось ни одной. Теперь на приусадебных участках есть место для красивых цветов, то есть, другими словами, для рекреационного использования земли. На снижение значимости производившихся на приусадебных участках продуктов особенно повлияло увеличение доходов пенсионеров.

Иван и Валентина представляют собой типичных жителей Койвусельги в описании изменений в значимости личного подсобного хозяйства. В начале 1990-х годов супруги уже были на пенсии, но продолжали как и прежде держать свой скот. У них всегда были корова, телята и овцы. Летом 1994 года семья держала даже две коровы. Молока было достаточно не только для трех внуков, все лето проводивших со своей бабушкой, но и для продажи соседям. Сено для скота заготавливали на лугах заброшенной деревни Рогокоски в десяти километрах от Койвусельги. На своем приусадебном участке в Койвусельге Иван и Валентина выращивали картофель, репу, капусту, лук, морковь, свеклу, огурцы, горох, помидоры и смородину. Картофель и репу, а также мясо овец и крупного рогатого скота передавали и семьям детей, проживающих в Петрозаводске. Продовольственные запасы также пополнялись рыбалкой, сбором ягод и грибов.

В 1994 году бóльшая часть продовольствия домохозяйства Ивана и Валентины была произведена ими самими или собрана в лесу. В 2014 году доля своего производства была очень небольшой по сравнению с показателем 20-летней давности. Семья уже не держала скота, но в огороде по-прежнему выращивали для собственных нужд картофель, капусту, морковь, свеклу, лук и помидоры. Ягоды и грибы больше не собирали, но рыбу продолжали ловить. С Иваном и Валентине в доме жил их сын, который после выхода на пенсию вернулся из Петрозаводска в свой родной поселок. Хотя масштабы личного подсобного хозяйства за 20 лет значительно сократились, хозяева думают о будущем. Прошлым летом в доме была построена новая дымовая труба и печь, а к строительству второй печи семья как раз приступала. По словам опрошенных, пенсии трех человек было достаточно для всего необходимого.

Для анализа огородничества в Койвусельге интересно отметить, что вопрос о различиях и значении муниципальной и частной собственности на землю решался медленно. До 2001 года постоянный житель поселка мог зарегистрировать земельный участок по упрощенной процедуре и бесплатно. После 2001 года за землю необходимо платить налог. Жители Койвусельги часто проживают на участках так же, как и раньше, не оформляя, впрочем, их в собственность. К использованию земли они относятся как узуфруктуарии. В этом случае местному самоуправлению сложно собрать налог или доход с аренды земли.

Личное подсобное хозяйство также изменило свое значение как источник доходов. На вопрос о

том, какую часть доходов домашних хозяйств составляет собственное производство продуктов питания и дары природы, менее одной десятой опрошенных сообщили, что большинство их доходов поступало из этих источников. В этих домохозяйствах были безработные трудоспособного возраста, поэтому в отсутствие оплачиваемой работы не получавшие пенсию жители были заняты сбором ягод и грибов. В поселок приезжают скупщики, которым и продают ягоды. В большинстве случаев ответившие на этот вопрос заявили, что на доходы от продаж даров природы приходилось менее половины дохода их домашних хозяйств. В этом следует отметить значительные изменения по сравнению с 1990-ми годами, когда значительная часть денежных доходов поступала из этого источника.

В системе обеспечения продовольствием также произошли изменения в сравнении с 1990-ми годами, когда городские жители использовали сельскую местность как гарантию своего продовольственного снабжения. Теперь дети, живущие в городах, доставляют покупки, сделанные пенсионерами, а также привозят необходимые товары, когда приезжают в поселок для проведения свободного времени. В городе уровень цен ниже, ассортимент более разнообразный и качество лучше, чем в небольшом поселковом магазине. Поездки из города в поселок стали удобнее после капитального ремонта главной автодороги Петрозаводск–Сортавала, а владение автомобилем широко распространено. Хотя за последние десятилетия количество автомобилей увеличилось и в Койвусельге, в поселке по-прежнему большинство домашних хозяйств их не имеет. Поэтому жителям трудно добираться до города, особенно при отсутствии общественного транспорта. Доступность поселка для приезжающих из города улучшилась, но для жителей Койвусельги по-прежнему трудно добираться до мест за пределами поселка.

Поселок превращается в место проведения досуга

Рост значимости мобильности наиболее заметен в поселковом ландшафте Койвусельги в увеличении числа непостоянно проживающих в поселке жителей. По подсчетам представителя местной администрации в Койвусельге, сделанным летом 2014, в поселке насчитывалось 27 домов с круглогодичным проживанием в них жителей и 24 дома, населенных только в летнее время. Заброшенных домов в поселке имеется 13. В окрестностях Койвусельги на берегу озера Койвуярви нет отдельно стоящих летних домов подобных тем, которых много в Финляндии, и дачные дома расположены среди домов, в которых круглогодично проживают люди. Одной из причин отсутствия отдельно стоящих домов является малое количество сельских дорог и их плохое состояние, другой – страх перед их уничтожением вандалами.

Наряду с собственниками летних жилищ, значимой является группа регулярно проводящих время в поселке в гостях у постоянных жителей в период отпуска и выходные дни, в которую входят дети, внуки и другие родственники. Летом 2014 года в домах, охваченных нашим исследованием, проживали в дополнение к 64 постоянным жителям 56 человек, проводящих в поселке по меньшей мере месяц в году.

В последние десятилетия существования Советского Союза, и особенно в переходный период в начале 1990-х годов, летнее жилье имело большое значение для продовольственного обеспечения и городских жителей. На приусадебных участках выращивали продовольствие на зиму, а в лесу собирали ягоды и грибы. Однако, согласно некоторым исследованиям, важность дач как производителей продовольствия в России несколько изменилась в связи с увеличением доходов населения [32, 20]. Все возрастающее число людей уже не выращивают на дачах картофель и не держат огороды, а отдыхают и развлекаются. Однако в Койвусельге на большинстве дачных участков по-прежнему выращивают как минимум картофель, хотя на нескольких – только цветы.

Часть летних жителей – старики, прожившие бóльшую часть своей жизни в поселке, но в настоящее время живущие зимой в городе. Некоторые используют как дачу опустевшие семейные дома. Типичный летний житель Койвусельги 77-летняя Нина, которая родилась в карельской деревне в шести километрах от поселка. Она переехала в Койвусельгу в возрасте 18 лет и работала в леспромхозе 32 года до выхода на пенсию. В Койвусельге она прожила почти все время с мужем в доме, который супруги построили сами. Овдовев, она стала проживать в зимнее время в районном центре, Пряже, летом возвращаясь в свой дом в Койвусельге. В последние годы на приусадебном участке она выращивает только картофель. Время от времени к ней приезжают дети, но не остаются надолго.

В самые последние годы дома в поселке стали покупать в качестве дач люди, не имевшие ранее отношения к Койвусельге. В поселке также было построено несколько совершенно новых домов для проведения летних отпусков. Покупатели старых домов обычно делают основательный ремонт и часто строят высокие заборы вокруг них. Дома для летнего проживания по общему правилу находятся в

лучшем состоянии, чем жилища для постоянного проживания. Работающие обычно проводят время на своих дачах во время летнего отпуска, пенсионеры – дольше. Новые жители, непостоянно проживающие в поселке, в основном обходятся своими силами в решении различных задач и не нуждаются в услугах жителей поселка даже для выполнения ремонтных работ.

Для будущего Койвусельги особый интерес представляют пришлые люди, не имевшие ранее связи с поселком и покупающие неиспользуемые дома, или строящие совершенно новые дачные дома. Один из тех, кто купил заброшенный дом – недавно вышедший на пенсию Иван, работавший на Питкярантском целлюлозно-бумажном комбинате. С весны 2014 года он ремонтировал дом, который снаружи выглядит как совершенно новый. В конце июля он уже возводил новые хозяйственные постройки. Участок огорожен высоким забором, за которым слышен энергичный лай собаки.

На берегу озера Койвуярви за высоким металлическим забором находятся три дачных дома. Из садовых культур заметны только цветы. Одна из дач представляет собой капитально отремонтированный старый дом, а два других – совершенно новые, по стилю явно отличающиеся от других домов Койвусельги. Дома построены предпринимателем из Петрозаводска, который использует отремонтированный старый дом как дачу. Один из новых домов используется семьей его сына. Один из жителей деревни ухаживает за этим участком и отвечает за его охрану. Предприниматель из Петрозаводска купил и два других старых дома по соседству, полностью реконструировав их. Один из них он продал семье из Петрозаводска в качестве дачи, другой летом 2014 года еще продавался.

Прибывшие из других мест летние жители Койвусельги – очень недавнее явление. Расстояние от Петрозаводска до Койвусельги составляет всего 150 км, и, и за исключением последних 13 километров грунтовой дороги, главная автомагистраль находится в отличном состоянии. Летом 2014 года мы опросили в общей сложности 16 семей, проживающих в летнее время в Койвусельге, и у 10 из них постоянное жилье находилось в Петрозаводске, то есть, Койвусельга постепенно превращается в дачный поселок петрозаводчан. Тем не менее, Койвусельга вряд ли станет только дачным поселком, так как некоторые люди будут постоянно жить там и в зимнее время. Именно наличие постоянного населения в поселке и привлекает многих для приобретения здесь летнего жилья. Впрочем, дело не ограничивается только соображениями безопасности проживания при наличии постоянного населения, местные жители также создают особую атмосферу в поселке. По этой причине, для будущего поселка очень важно, как будет решен вопрос о сносимом ветхом и аварийном жилье, будут ли новые дома построены в Койвусельге или Ведлозере.

Аналогичное увеличение количества летних жителей наблюдается и в других бывших лесозаготовительных поселках российской Карелии, которые, как и Койвусельга, расположены в легкодоступных в транспортном отношении местах. Например, в поселке Ондозеро Муезерского района жители Костомукши приобрели заброшенные дома в качестве летних дач [31]. Расстояние от Костомукша до Ондозера составляет 170 километров, дорога асфальтирована, за исключением последних 35 километров грунтовой дороги. С другой стороны, в расположенном на бóльшем расстоянии поселке Реболы, куда можно доехать только по плохой грунтовой дороге, неместные жители не покупают дома под летние дачи, хотя поселок, как и Ондозеро, находится на берегу озера в живописном месте.

Туристы и путешественники пока не добрались до Койвусельги и ее окрестностей. Однако жители Койвусельги сообщили нам о мужской кампании, которая приобрела дом в десяти километрах от заброшенной деревни Кормилиста в качестве базы для рыбалки, охоты и сбора ягод. Природный и сельский туризм в российской Карелии в последние годы быстро растут, поэтому в будущем это новое явление может в небольших масштабах затронуть и Койвусельгу. В Ведлозере, где находится администрация сельского поселения, и в непосредственной близости от этого карельского села уже имеются привлекательные для туристов объекты, такие как историческая деревня Кинерма и Дом Карельского языка.

Мобильность преобразует местность

Численность населения построенной в конце 1940-х годов Койвусельги сейчас составляет лишь одну десятую часть от максимального показателя. Тем не менее, в поселке, первоначально построенном как временный населенный пункт для проведения лесозаготовок, осталось население, хотя объем лесозаготовок начал снижаться уже в социалистическую эпоху и они были полностью прекращены в связи с переходом лесного хозяйства к условиям рынка и конкурентной экономики. В поселке, утратившем свое место в разделении труда лесного сектора, остались жить преимущественно пенсионеры. В последние годы в поселок потянулись люди, ранее не имевшие связей с деревней. Сегодня поселковая жизнь развивается и различными способами вступает в связь с другими местами и

группами населения.

Жизненный цикл лесозаготовительных поселков по ту сторону границы, в Финляндии, был весьма похож на описанный нами выше, хотя изменения в их судьбе не были такими радикальными, как в российской Карелии. Советская модель лесозаготовок основывалась на других технологиях и организации работы в сравнении со скандинавской моделью. После перехода к рыночной экономике скандинавская технология лесозаготовок и организационная модель лесных работ быстро были перенесены в лесное хозяйство Карелии. В Койвусельге это яснее всего проявляется в аутсорсинге лесных работ, передаче их внешним подрядчикам, в результате чего местное население теряет работу, которую выполняют прибывающие издалека работники, мобильная рабочая сила. В результате этого развития многие из жителей Койвусельги трудоспособного возраста, зарегистрированные в родном поселке, стали ее «невидимым населением», работающим и проживающим в городе. Пребывание в этом переходном состоянии и связанная с ним мобильность могут оказать помощь в гибкой организации повседневной жизни.

Мобильность и «многоместность» в Койвусельге, связанные с отделением друг от друга места работы и проживания, являются примерами неприменимости общепринятых отправных точек, объясняющих социально-экологическую устойчивость и обновление многих местных лесозаготовительных сообществ на Северо-Западе России [33]. Формы работы и организация производства в нынешней конкурентной среде российского лесохозяйственного сектора больше не увязывают наемную работу и место проживания с системой местных сообществ, как это было раньше. Различные группы населения даже такого небольшого сообщества, как Койвусельга, находятся в постоянном движении в различных направлениях, разными способами и с разными целями, либо стремясь совместить работу и место проживания, либо для проведения свободного времени.

Как и в сельской местности Западной Европы, в Койвусельге возобладали связанные с *мобильным постпродуктивизмом* мобильность и «многоместность». Все больше жителей поселка постоянно перемещаются с одного места в другое, и живут в поселке только часть года. Койвусельга – не просто место, где круглогодично или часть года проживают местные пенсионеры, но и место летнего отдыха для городских жителей. Переход к рыночной экономике создал рынок домов, предназначенных для проведения свободного времени. Как и в Западной Европе [27; 59], места в российской Карелии, прежде всего, расположенные вблизи рек и озер и имеющие легкую транспортную доступность, привлекают покупателей летних дачных домов. Это движение людей в российской Карелии, впрочем, ограничивается плохим состоянием многих дорог. Таким образом, подобным Койвусельге поселкам, до которых горожанам относительно легко добраться, легче развиваться, чем другим населенным пунктам в качестве мест проведения свободного времени.

Увеличение мобильности также влияет на организацию повседневной жизни и оказание услуг, поскольку уровень социальных услуг в лесных поселках снижается, а численность населения уменьшается. Некоторые из услуг, доступных в Койвусельге, стали мобильными, некоторые доступны в 50 км в Ведлозере. Отдаленные поселки становятся все более зависимыми от административных центров сельских поселений и городов, предоставляющих как рабочие места, так и услуги. Хотя автодорога Петрозаводск–Сортавала в настоящее время и находится в лучшем, чем прежде состоянии, мобильность жителей Койвусельги ограничивается отсутствием общественного транспорта и небольшим количеством личных автомобилей. Направление развития социальных сетей в поселке изменилось в пользу города, так как многие из базовых товаров и услуг доставляются близкими родственниками из города в Койвусельгу.

Развитие экономических и социальных отношений в бывших лесозаготовительных поселках российской Карелии в постсоциалистическую эпоху явно приближается к моделям, характерным для Западной Европы. Дискурс о характерном для карельских лесных поселков «другом модерне», учитывая направление их технологического, хозяйственного и производственного развития, в настоящее время представляется нецелесообразным. Денежные рынки и рыночные механизмы в подавляющем большинстве заменили экономику самообеспеченности и натурального обмена, игравшую ключевую роль в переходный период. Впрочем, социальные сети и теневая экономика по-прежнему играют определенную роль в поддержании повседневной жизни. Это означает то, что в сельской местности Карелии наблюдаются некоторые остаточные явления, характерные для «другого модерна». После завершения нашего полевого исследования в июле 2014 года цены на продовольствие в России резко выросли. Если рост цен продолжится в течение длительного времени, экономическое значение домашнего хозяйства в поддержании повседневной жизни в сельских районах снова возрастет, и роль социальных сетей между сельскими и городскими районами изменится.

Список литературы

1. Alanen I., Nikula J., Granberg L. & Kopoteva I. Monitoimisuutta ja palstaviljelyä – maaseudun sopeutuminen kapitalismiin Venäjän Karjalassa // Idäntutkimus. 2003. № 10:2. S. 11–17.
2. Barnes T. J. & Hayter R. (2005), No “Greek-Letter Writing”: Local Models of Resource Economies // Growth and Change. 2005. №36:4. P. 453–470.
3. Flyvbjerg B. Five misunderstandings about case-study research. Qualitative Research Practice. Ed. C. Seale, G. Gobo, J.F. Gubrium & D. Silverman. London: Sage, 2007. P. 390–404.
4. Hakamies P. The Modernisation of the Soviet Karelian Countryside: The case of Vieljärvi/Vedlozero from the 1920s to the 1960s. // FF Network 35. 3–9, December 2008. http://www.folklorefellows.fi/?page_id=470
5. Halfacree K. Contrasting roles for the post-productivist countryside. A postmodern perspective on counterurbanisation. – Contested Countryside Cultures. Ed. Paul Clokel & Jo Little. London: Routledge, 1997. P. 70–93.
6. Ilbery B. & Bowler I. From agricultural productivism to post-productivism. Ed. Brian Ilbery. The Geography of Rural Change. Harlow: Longman, 1998. P. 57–84.
7. Kangaspuro M. & Smith J. (ed.) Modernisation in Russia since 1900. Helsinki: Finnish Literature Society, 2006.
8. Karkinen K. Kotitarvemaatalous ja ruuan hankinta metsätyökylässä // Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 140–151.
9. Klementjev J. Koivuselkä ja koivuselkäläiset. // Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 86–103.
10. Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки. Л.: Наука, 1988.
11. Kortelainen J. & Kotilainen J. Ownership Changes and Transformation of the Russian Pulp and Paper Industry // Eurasian Geography and Economics. 2003. № 44:5. P. 384–402.
12. Kortelainen J. & Rannikko P. Positionality Switch: Remapping Resource Communities in Russian Borderlands // Economic Geography. 2015. № 91:1. P. 59–82.
13. Lehtonen M. Miten tutkia liikkuvaa maailmaa? – Liikkuva maailma. Liike, raja, tieto. Toim. Mikko Lehtonen. Tampere: Vastapaino, 2013.
14. Mather A. S. Forests of consumption: postproductivism, postmaterialism, and the postindustrial forest // Environment and Planning. 2001. № 19:2 P. 249–268.
15. Melin H. Suunnitelman varjossa. Tutkimus yritysjohtajista Neuvostoliitossa ja Venäjällä. Tampere: Tampereen yliopisto, 1996.
16. Müller D. K. & Hall C. M. Second Homes and Regional Population Distribution: On Administrative Practices and Failures in Sweden. – *Espace, Populations, Societies* 2003. № 2. P. 251–261.
17. Müller D. K. Second Homes in Sweden: Patterns and Issues // Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground. Ed. C. Michael Hall & Dieter K. Müller. Clevedon: Channel View 2004. P. 244–258.
18. Myllynen A.-L. & Saastamoinen O. Karjalan tasavallan metsätalous. Joensuu: Joensuun yliopisto, Metsätieteellinen tiedekunta, 1995.
19. Нефедова Т. Г. Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Теория и социальные функции географии. 2012. № 3. С. 7–22.
20. Нефедова Т. Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. № 3. URL: http://www.strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi.
21. Nikula J., Granberg L., Alanen I. Sovhooseista maatalousyrityksiksi – Venäjän maatalouden tie? // Katse Venäjään – suomalaisen Venäjä-tutkimuksen antologia. Toim. Jouko Nikula. Helsinki: Aleksanteri-instituutti. 2006. S. 189–217.
22. Oksa J. (toim.). Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998.
23. Oksa J. Koivuselkä Karjalan metsäkompleksin osana // Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 153–165.
24. Pietiläinen J. Moderni, sanomalehti ja Venäjä: Karjalan tasavallan aluelehdistö muutoksessa 1985–1997. Tiedotusopin lisensiaatintutkimus, Tampereen yliopisto, 1998.
25. Piipponen M. Asuminen Venäjän Karjalan metsätyökylässä // Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 125–138.
26. Piipponen M. Metsäsektorin rakennemuutos 1990-luvun Lähi-Venäjällä: resurssi- ja teollisuusyhteisöjen haasteet. Helsinki: Kikimora publications, 2007.
27. Pitkänen K. Mökkimaisema muutoksessa. Kulttuurimaantieteellinen näkökulma mökkeilyyn. Joensuu: Itä-Suomen yliopisto, Yhteiskuntatieteiden ja kauppatieteiden tiedekunta, 2011.
28. Pursiainen C. Venäjän idea, utopia ja missio. Helsinki: Gaudeamus, 1999.
29. Rannikko P. Koivuselän ympäristön vanhojen karjalaiskylien kohtalo // Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998 S. 73–84.

30. Rannikko P. Maaseudun näkymätön väestö // Maaseudun uusi aika. 2014. № 22:2. P. 34–42.
31. Rannikko P. Sadan asukkaan kylän lumo // Karjalan Sanomat 9.7.2014.
32. Southworth C. The Dacha Debate: Household Agriculture and Labour Markets in Post-Socialist Russia. – Rural Sociology. 2006. № 71:3. P. 451–478.
33. Södor U. Community Resilience and Wellbeing in Northwest Russian Forestry Settlements. Jyväskylä Studies in Education, Psychology and Social Research 408. Jyväskylä: University of Jyväskylä, 2011.
34. Therborn G. Maailma. Aloittelijan opas. Tampere: Vastapaino, 2012.
35. Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for twenty-first century. London: Routledge, 2000.
36. Urry J. Mobile Sociology // British Journal of Sociology. 2000. № 51:1. P. 185–203.
37. Varis E. Syrjäkylien murros Venäjän Karjalassa ja Unkarissa. Tutkimus postsosialistisen maaseudun restrukturaatiosta ja resurssiyhdyskuntien selviytymisestä. Joensuu: Joensuun yliopisto, Yhteiskuntatieteellisiä julkaisuja, 1998.
38. Varis E. Yksityistämisen seuraukset ja arkipäivän selviytyminen transitiossa // Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 105–123.
39. Varis E. (ed.) Transitional Survival Strategies of Peripheral Resource Communities in Hungary and North-western Russia. Helsinki: Finnish Institute for Russian and East European Studies, 2000.

References

1. Alanen I., Nikula J., Granberg L. & Kopoteva I. Monitoimisuutta ja palstaviljelyä – maaseudun sopeutuminen kapitalismiin Venäjän Karjalassa // Idäntutkimus. 2003. № 10:2. S. 11–17.
2. Barnes T. J. & Hayter R. (2005), No “Greek-Letter Writing”: Local Models of Resource Economies // Growth and Change. 2005. №36:4. P. 453–470.
3. Flyvbjerg B. Five misunderstandings about case-study research. Qualitative Research Practice. Ed. C. Seale, G. Gobo, J.F. Gubrium & D. Silverman. London: Sage, 2007. P. 390–404.
4. Hakamies P. The Modernisation of the Soviet Karelian Countryside: The case of Vieljärvi/Vedlozero from the 1920s to the 1960s. // FF Network 35. 3–9, December 2008. http://www.folklorefellows.fi/?page_id=470
5. Halfacree K. Contrasting roles for the post-productivist countryside. A postmodern perspective on counterurbanisation. – Contested Countryside Cultures. Ed. Paul Clokel & Jo Little. London: Routledge, 1997. P. 70–93.
6. Ilbery B. & Bowler I. From agricultural productivism to post-productivism. Ed. Brian Ilbery. The Geography of Rural Change. Harlow: Longman, 1998. P. 57–84.
7. Kangaspuro M. & Smith J. (ed.) Modernisation in Russia since 1900. Helsinki: Finnish Literature Society, 2006.
8. Karkinen K. Kotitarvemaatalous ja ruuan hankinta metsätyökylässä // Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 140–151.
9. Klementjev J. Koivuselkä ja koivuselkäläiset. // Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 86–103.
10. Klementyev E. I., Kozhanov A. A. The rural environment and population of Karelia in 1945–1960 [Selskaja sreda i naselenije Karelii 1945–1960 gg.]. Historical and sociological essays [Istoriko-sotsiologicheskie ocherki]. L.: Nauka, 1988.
11. Kortelainen J. & Kotilainen J. Ownership Changes and Transformation of the Russian Pulp and Paper Industry // Eurasian Geography and Economics. 2003. № 44:5. P. 384–402.
12. Kortelainen J. & Rannikko P. Positionality Switch: Remapping Resource Communities in Russian Borderlands // Economic Geography. 2015. № 91:1. P. 59–82.
13. Lehtonen M. Miten tutkia liikkuvaa maailmaa? – Liikkuva maailma. Liike, raja, tieto. Toim. Mikko Lehtonen. Tampere: Vastapaino, 2013.
14. Mather A. S. Forests of consumption: postproductivism, postmaterialism, and the postindustrial forest // Environment and Planning. 2001. № 19:2 P. 249–268.
15. Melin H. Suunnitelman varjossa. Tutkimus yritysjohtajista Neuvostoliitossa ja Venäjällä. Tampere: Tampereen yliopisto, 1996.
16. Müller D. K. & Hall C. M. Second Homes and Regional Population Distribution: On Administrative Practices and Failures in Sweden. – *Espace, Populations, Societies* 2003. № 2. P. 251–261.
17. Müller D. K. Second Homes in Sweden: Patterns and Issues // Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground. Ed. C. Michael Hall & Dieter K. Müller. Clevedon: Channel View 2004. P. 244–258.
18. Myllynen A.-L. & Saastamoinen O. Karjalan tasavallan metsätalous. Joensuu: Joensuun yliopisto, Metsätieteellinen tiedekunta, 1995.
19. Nefedova T. G. The Main Trends in the Changing Social and Economic Space of Rural Russia [Osnovnye tendentsii izmeneniya sotsial’no-ekonomicheskogo prostranstva sel’skoi Rossii] // Theory and Social Functions of Geography [Teoriya i sotsial’nyie funktsii geografii]. 2012. № 3. P. 7–22.
20. Nefedova T. G. Townspeople and dachas [Gorozhane i dachi] // Otechestvennye zapiski. 2012. № 3. URL:

http://www.strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi

21. Nikula J., Granberg L., Alanen I. Sovhooseista maatalousyrityksiksi – Venäjän maatalouden tie? // Katse Venäjään – suomalaisen Venäjä-tutkimuksen antologia. Toim. Jouko Nikula. Helsinki: Aleksanteri-instituutti. 2006. S. 189–217.
22. Oksa J. (toim.). Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998.
23. Oksa J. Koivuselkä Karjalan metsäkompleksin osana // Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 153–165.
24. Pietiläinen J. Moderni, sanomalehti ja Venäjä: Karjalan tasavallan aluelehdistö muutoksessa 1985–1997. Tiedotusopin lisensiaatintutkimus, Tampereen yliopisto, 1998.
25. Piipponen M. Asuminen Venäjän Karjalan metsätyökylässä // Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 125–138.
26. Piipponen M. Metsäsektorin rakennemuutos 1990-luvun Lähi-Venäjällä: resurssi- ja teollisuusyhteisöjen haasteet. Helsinki: Kikimora publications, 2007.
27. Pitkänen K. Mökkimaisema muutoksessa. Kulttuurimaantieteellinen näkökulma mökkeilyyn. Joensuu: Itä-Suomen yliopisto, Yhteiskuntatieteiden ja kauppatieteiden tiedekunta, 2011.
28. Pursiainen C. Venäjän idea, utopia ja missio. Helsinki: Gaudeamus, 1999.
29. Rannikko P. Koivuselän ympäristön vanhojen karjalaiskylien kohtalo // Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998 S. 73–84.
30. Rannikko P. Maaseudun näkymätön väestö // Maaseudun uusi aika. 2014. № 22:2. P. 34–42.
31. Rannikko P. Sadan asukkaan kylän lumo // Karjalan Sanomat 9.7.2014.
32. Southworth C. The Dacha Debate: Household Agriculture and Labour Markets in Post-Socialist Russia. – Rural Sociology. 2006. № 71:3. P. 451–478.
33. Södor U. Community Resilience and Wellbeing in Northwest Russian Forestry Settlements. Jyväskylä Studies in Education, Psychology and Social Research 408. Jyväskylä: University of Jyväskylä, 2011.
34. Therborn G. Maailma. Aloittelijan opas. Tampere: Vastapaino, 2012.
35. Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for twenty-first century. London: Routledge, 2000.
36. Urry J. Mobile Sociology // British Journal of Sociology. 2000. № 51:1. P. 185–203.
37. Varis E. Syrjäkylien murros Venäjän Karjalassa ja Unkarissa. Tutkimus postsosialistisen maaseudun restrukturaatiosta ja resurssiyhdyskuntien selviytymisestä. Joensuu: Joensuun yliopisto, Yhteiskuntatieteellisiä julkaisuja, 1998.
38. Varis E. Yksityistämisen seuraukset ja arkipäivän selviytyminen transitiossa // Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 105–123.
39. Varis E. (ed.) Transitional Survival Strategies of Peripheral Resource Communities in Hungary and North-western Russia. Helsinki: Finnish Institute for Russian and East European Studies, 2000.

Rannikko P., Varis E., Piipponen M. Koivusel’ga. Social transformation of forestry settlement in Russian Karelia (translation from Finnish by Y. M. Kilin) // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2016. № 2. P. 32–47.

Koivusel’ga. Social transformation of forestry settlement in Russian Karelia (translation from Finnish by Y. M. Kilin)

RANNIKKO Pertti
Doctor of Sociology,
Professor of ecology,
University of Eastern Finland (Joensuu Campus),
Department of Geographical and Historical Studies,
Joensuu, Finland, pertti.rannikko@uef.fi

VARIS Eira
Doctor of Sociology,
Director of Development,
Regional Council of North Karelia,
Joensuu, Finland, eira.varis@pohjois-karjala.fi

PIIPPONEN Minna
Doctor of Sociology,
Karelian Research Institute,
University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland, minna.piipponen@uef.fi

Keywords:
Koivusel’ga
social mobility
postproductivism
social networks
timber industry complex

Summary:
The article focuses on the development of mobile, post-productivist countryside in Russian Karelia. We analyse the forestry village of Koivuselkä during the last 20 years. The emergence of mobile society has modernised the social networks and everyday life of the village. People have today connections to many places through their work, leisure, and housing. Forestry work employs mobile labour instead of local inhabitants, and the village is transforming to a place, where non-locals spent leisure time. Everyday life of the permanent inhabitants is also divided between multiple places and more mobile than earlier.